

Художник М. Михальская

Хайле

Аше Гарридо

Не знаю, где Хайле гульнул и с кем. И толку было бы знать? За ним водилось. Когда-нибудь этим и должно было кончиться. Есть вещи, которые происходят однажды и навсегда, то, что называют необратимыми процессами. Обвал начинается с одного камешка, Шалтай-Болтай, расплескавшись, не вернется в скорлупу — и другие столь же общеизвестные примеры. Вот нечто из этого ряда случилось и с Хайле. С той минуты он начал умирать.

Не говорите мне, что все мы начинаем умирать с той минуты, как родились. Вы же понимаете, что речь идет не об этом. Когда всеобщее обязательное среднее умирание принимает облик какой-то одной определенной болезни, от которой нет лекарств и не бывает случаев чудесного исцеления — вот тогда-то и становится страшно.

Я знаю. Мне как-то ставили диагноз. Другой, не тот, что у Хайле. Просто болезнь крови. Потом анализы оказались отрицательными — в общем, пронесло. Но тех дней, что мы ждали результата, мне хватило.

У Хайле в запасе было несколько лет кошмара. И он не хотел делить его со мной. Умник. Сначала он разыграл несколько прелестных сцен в духе «прошла любовь». Потом стал донимать меня больше обычного. Он-то знал, как вывести меня из себя. Несколько раз, признаю, ему удалось... Но, простите, даже такое тугодумное существо, как я, рано или поздно начнет задумываться, наблюдать и делать выводы. У Хайле плохо получалось изображать из себя дерьмо. Да, он слегка без башни, слегка эгоист, слегка самовлюблен. Не больше, чем любой из большинства. Но и статистика здесь ни при чем. Какие наблюдения, какие выводы? Мы просто любили друг друга. И что при этом можно друг от друга скрыть?

Пришлось прижать его к стенке и поговорить начистоту. Тут он во всем и признался, то есть не во всем, потому что мне удалось заткнуть ему пасть — не нужны нам были подробности. Может быть, наоборот, может быть, ему надо было выговориться. Но так еще достаточно тем для этого, а вот подробности... Ни к чему. Без подробностей все выглядело почти мифологически, обретало черты древнегреческого рока. И почему-то мне казалось, что для него — тоже.

В общем, он сказал мне, что у него эта болезнь.

Честно? Вот вам честно: да, мне стало страшно в первую очередь за себя. Хайле это понял, конечно, или даже предвидел, потому что тут же стал просить прощения и уверять, что, как только узнал, так сразу... Ну правильно: последнее время то у него работа, то устал, то голова болит, то мы скандалим так, что не то чтобы прикоснуться — смотреть на него тошно. Умеет он ска-

зунуть такое — хоть душ принимай. А! Вот еще одно. Он всегда умел такое подумать, сам признавался, но вслух вылепить — ни-ни. А в последнее время разошелся. Это меня и насторожило. Не сразу, конечно, я же говорю, сначала он меня так доставал, вынимал, извлекал, что после всего, когда мы объяснились и поутихли, пришлось срочно заняться ремонтом дверей во всем доме. Есть у меня такая слабость: чуть что — дверям достается. Мне нравится этот грохот, штукатурка, сыплющаяся с потолка, скрип и скрежет выворачиваемых петель и косяков. Очень успокаивает.

Поговорили, значит.

«Я принес в дом смерть».

«Погоди еще».

Ну, так и вышло: ничего у меня не оказалось. Делали, конечно, и контрольные, и не один раз. Так ничего у меня и не оказалось.

Все это, собственно, можно было бы и не рассказывать, потому что ничего важного в подробностях нет. Можно было сказать всего две вещи: мы любили друг друга — и он умер.

Да, и еще то, что у нас было много времени.

Однажды он сказал мне:

— Ниэсс, почему ты не говоришь об этом? Это ведь можно сделать. Деньги у нас есть. Кой тратить их на лекарства, если от смерти лекарства все равно нет?

— Это ведь будешь не ты.

— Совсем чуть-чуть не я.

— Дружочек, этих кукол делают сам знаешь зачем, а ты...

— Есть ведь очень дорогие модели с очень большим объемом памяти и восприятия. У нас хватит. Что мне нужно? Приличные похороны? Можешь выкинуть меня на свалку. Когда я содохну, честное слово, мне будет все равно. Верить? А у тебя буду еще раз я.

Да, это было возможно. И нам повезло к тому же: как раз тогда на Мемории обнаружили мнемопластинки, эти маленькие лепесточки, и завезли их сюда. Маленькие лепесточки, не больше ногтя, невесомые, готовые упорхнуть от малейшего сквозняка, розоватые, отливающие перламутром, и сквозь него — полупрозрачные.

Надо было только подышать на них и приложить к вискам, и они усердно занимались своим делом — вынимали душу, как говорил Хайле. Но душу они, конечно, не вынимали. Только копировали. До сих пор неизвестно, зачем они это делают и что им, собственно, нужно. Но после возни с громоздкой и капризной аппаратурой того же назначения пластиночки показались просто подарком. И производство андроидов расцвело, как никогда. Никто и не ставил своей целью копировать

ФАНТАСТИКА

душу полностью, только набор необходимых рефлексов и реакций, и по боку всякие комплексы и синдромы: на это право имеют только настоящие люди, верно? А поганым роботам они ни к чему.

Вот об этом и была речь. Что Хайле будет не совсем Хайле, то есть совсем не Хайле, а как бы игрушка, похожая на него внешне (это достигалось элементарно) и способная развлекать меня. Дело еще вот в чем: на практике обнаружилось, что, вопреки фантастической литературе прошлого, человек не может устанавливать человеческие взаимоотношения с андроидом. Максимум — ну, вы сами понимаете... Что-то такое в них есть, что даже если ты не знаешь заранее, то всё равно чувствуешь, что перед тобой подделка под человека. Они настолько чужие, что, чем больше сходства, тем более отталкивающее впечатление они производят. А вот пользоваться ими во вполне определенных целях это не мешает. Этого, собственно, никто толком не понимает, что бы там ни писали психологи. Пока ты не пытаешься принять андроида за человека, все обстоит прекрасно. Но не более того.

И вот он предлагал мне сделать такое вместо него.

Невозможно было даже представить. Но он вбил себе в голову, что это меня утешит. Пришлось потратить гору денег на то, чтобы добыть пластиночки (их не пускали в продажу, по крайней мере частным лицам), контейнер для пластиночек и прочее. Хайле все беспокоился, что записи могут испортиться или еще что-то. И мы покупали все новые и новые контейнеры с девственно чистыми меморианскими пластиночками, дышали на них и прикладывали к вискам Хайле, в конце концов казалось, что он всегда и был таким — с двумя слюдяными бликами на висках.

Еще мы перечитали тонны специальной литературы, посвященной этому вопросу. И авторов прошлого века: Брэдбери, Шекли, Саймака, Филипа Дика и других. Кларка, конечно, с его космонитами. У нас была постоянная тема для приколов:

— Когда я буду андроидом...

— Это будешь не ты.

— Совсем чуть-чуть не я.

— Неправда.

— Не спорь со мной.

У меня не поворачивался язык сказать это по-другому. Не то что это будешь не ты, а то, что тебя-то уже не будет. На самом деле. Ты умрешь по-настоящему. Может быть, я утешусь с этой куклой, муляжом (нет, не верю и не хочу). Но тебя не будет. Для тебя всё кончится с твоей смертью.

Повторяю: у меня и в мыслях не было осуществлять его безумную затею. Но надо же его как-то успокоить. Он чувствовал себя последней скотиной из-за своего, как он это называл, предательства. «Я бросаю тебя и ухожу, и все горе останется тебе. А мне — только немного побояться. Ну, еще, конечно, умирать, но это кончится, и все, а для тебя тогда-то и начнется. Надо было тебе со мной связываться?»

Нет, он не был ангелочком. Он мог такое залепить... Но не об этом сейчас речь. О том, что он понимал: что я буду делать без него? С ним бы то же самое было, если бы нам поменяться местами, поэтому он все и понимал. Что тут понимать?

В общем, однажды он умер.

А пластиночки остались. Вы думаете, мне долго пришлось колебаться? Ни минуты. Просто невозможно жить, если Хайле нет. Так невозможно, что и думать нечего пытаться. Умереть? Может быть. Но если Хайле — вот он, пусть даже не весь, не настоящий, пусть даже... пусть все, что угодно, вот он, заключенный в маленькие черные контейнеры, и никто, кроме меня, не вызовет его оттуда?

Денег у нас, и правда, было много. Четырехмерные картины Хайле продавались очень прилично, и последнее время, пока мог, он работал, как одержимый. С двойной, так сказать, целью: сделать всё, на что уже никогда не будет времени, и обеспечить свое дальнейшее существование. «Где твоя логика? Или дальнейшее существование — или не будет времени. Что-нибудь одно». — «Ты ничего не понимаешь, — ответил он. — Вдруг рисовать я и не смогу?» Он сам тоже ничего не понимал. «Это будешь не ты». — «Совсем чуть-чуть не я». Где та мера?

У меня тоже было достаточно денег. Почти все они ушли на то, чтобы найти подходящую фирму, которая взялась бы за наш заказ. Тогда уже пошли слухи о грядущих запретах, слишком приближенные к человеку модели стали снимать с производства, а для частных лиц перестали изготавливать полнофункциональных андроидов, если вы понимаете, что я имею в виду. Спрос на них был большой: делай что хочешь, и никакой ответственности.

Но мы еще успели. Записей, сделанных нами, хватало с избытком. Поэтому неиспользованные пластиночки были схоронены в нашем саду под одним из живых деревьев. А остальные пошли в ход. Вот тут и вылезло: мне показалось невозможным наделять куклу памятью о болезни. Это было таким глубоко личным, только нашим, принадлежало только мне и настоящему Хайле. Мы пережили это вместе и никто больше не мог разделить с нами те страдания. Они теперь дороже всего. Поэтому все, что касалось болезни и смерти, было стерто.

А с другой стороны, мне не нравилось, что Хайле мог догадаться: он — не настоящий. Поэтому их инженерам пришлось потрудиться, а мне раскошелиться, но — вы не поверите! — у Хайле был даже пищеварительный тракт, правда очень примитивный, и пищу надо было предварительно сдабривать некоторыми ферментами. Но мы заранее придумали болезнь желудка. Зато в туалет он ходил по-настоящему. Ни один андроид этого не делал. Но ведь нельзя было, чтобы он понял, правда?

Так кем он все-таки должен был стать? Мне не хотелось делиться с ним нашей болью, но в то же время нельзя было допустить, чтобы он усомнился в том, что он и есть самый настоящий Хайле. «Кукла», — назывался он. «Хайле», — назывался он. Никакой логики.

Это был незарегистрированный андроид без номера и пситехнопаспорта. Мне привезли его в мебельной упаковке. Сначала показали его на складе готовой продукции и предложили, как они всегда поступают с незарегистрированными заказами, оживить его и доставить по адресу своим ходом (конечно, в сопровождении специалиста). Нет, нет и нет.

Тогда, еще не активированного, его привезли домой в мебельном ящике. По моей просьбе настроили на

медленную активацию, аналогичную пробуждению от сна. Еще раз показали аварийную кнопку и проинструктировали, как ей воспользоваться.

И оставили мне его, спящего на нашей постели. Надо было надеть на него пижаму (ту, которую он сам выбрал для этого) и уложить его так, как он обычно спит: почти на животе, но еще на боку, одно колено под себя, вторая нога вытянута, рука обнимает подушку, другая вольно брошена перед собой. Во время этого одевания и переключивания он теплел под моими руками, между волос на лбу выступил слабый пот. В какой-то момент мне захотелось остановить все это. Надо было просто прижать маленький желвачок под кожей выше локтя. Эта кукла не имела права оживать, не имела права быть такой похожей на Хайле, не смела обманывать меня. Подтянуть рукав, нащупать пальцами уплотнение...

Этот... не знаю, кем он был для меня в ту минуту. Монстр Франкенштейна. Хуже. В общем, он дернулся, как от щекотки, приоткрыл туманные, сонные глаза и сварливо заявил:

— Тебе бы только одно. Может человек раз в жизни выспись?

Кто спал до утра, кто и плакал. Правда. А утром мне стало наплевать на все, понимаете? На все.

Потому что это был Хайле. Умница, вредина, сексуальный маньяк, стервец каких мало — и потом потребовал кофе в постель, и конечно, сначала ему было слишком горячо, а потом сразу стало холодно, и сначала было не сладко, потом — «а всю сахарницу нельзя было высыпать?» Мы поругались. Двери грохали по всему дому, потому что этот тип таскался за мной хвостом и не давал остыть страстям, как он это любит и умеет: ты уходишь, а он тебе в спину, и остается рвануть дверь, рывкнуть в ответ и грохнуть ею из всех сил, иначе, не ровен час, достанется кому-то другому.

Но уже было ясно, что эту тварюгу ненаглядную я буду любить, холить и лелеять, чего бы это мне ни стоило.

Только за обедом он вдруг спросил:

— Ниэсс, а что было вчера?

— Как?

— Что было вчера? Я не помню.

— То же, что позавчера. То же, что сегодня.

Кое-как мы съехали с этой темы, не без новой порции уязвлений с его стороны. Все было по плану. Конечно, он не мог со временем не обратить внимания на некоторые странности, но у нас была подготовлена версия, к которой, ради вящей убедительности, надо было подходить постепенно. У него были небольшие размытости в памяти, но все списывалось на последствия автокатастрофы, в которой он якобы пострадал, отсюда же и болезнь желудка.

Вот так и пошло-поехало. Наш маленький дом-ностальжи из натурального дерева густо, медово наполнился счастьем. Оно было настолько в порядке вещей, что мы переставали его замечать. Словом, все было как раньше. Даже ругань — куда ж без нее? Наверно, мы нарочно время от времени устраивали себе эти гонки, нарочно и понарошку, чтобы на самом деле такого не было. На самом деле такого и не бывало. Поймите правильно, все выходило всерьез, до собирания вещей и, как уже упоминалось, хлопанья дверями (отдельным пунктом). Спустя какое-то время начиналось кружение по дому с неявной целью случайно встретиться, по-

ФАНТАСТИКА

переглядываться, повздыхать — и с этого, как правило, начинался хэппи-энд.

Однажды он ворвался в мой кабинет с воплем:

— Что это, Ниэсс? Я сошел с ума?

В его руке трепыхался листок бумаги, исписанный его собственным — моего Хайле — почерком:

Тебя моим ожогом жжет и бьет моим ознобом.

Я умираю третий год, и мы устали оба.

Я верил: проще и нежней мы станем на прощанье, бесценных предпоследних дней прозрачное звучанье не исказит ни окрик злой, ни раздраженный шепот.

Двуручной ржавою пилой нам стал последний опыт.

И наболевшись чувства спят,

как, нарыдаввшись, — дети.

Я говорил, что без тебя не стану жить на свете.

И я тебя не обманул. Но смерти ожидаем

я разделил одну вину — на два страданья.

И скоро кончится одно с моим последним сроком.

Тебя не обманул я, но — но предал ненароком.

И вот, за то, что буду жив и виноват недолго,

я стал капризен, зол и лжив, но, знаешь, — ненадолго.

И будешь ты уже не мной когда-нибудь утешен.

Но покидая путь земной, я снова стану нежен.

И мы тогда не вспомним слов, но вместе мы заплачем.

Поверь, что все еще любовь, и не иначе.

— Что это, Ниэсс? Я не помню, откуда это. Я никогда не читал этого. Что это? Это же мой почерк, правда, Ниэсс?

Мне нечего было ответить. Но ответить необходимо. Спасла версия.

— Дружочек, мне не хотелось тебе говорить... Мы ехали в Тампу и так получилось... Автокатастрофа. Мне — ничего, но ты же сидел рядом, а место рядом с водителем — самое опасное, ты же знаешь... У тебя было сильное сотрясение.

Получилось.

Самое странное, что никакого раздвоения в моем отношении к нему не произошло. Он стоял с этим листком, написанным другим человеком, то есть, черт, просто человеком, настоящим Хайле — и в то же время он и был тем самым Хайле, который написал и спрятал в библиотеке эти стихи, зачем, уж не знаю. Мне как раз его и хотелось об этом спросить, того, кто стоял передо мной, хотя ясно было, что он этого знать не может.

Может быть, со временем он понял бы больше. Может быть, он понял бы всё. Но пока обошлось. И мы жили, не заглядывая вперед, ни я, ни он, потому что нам было и так хорошо — здесь, то есть сейчас.

Тут грянул запрет. Конечно, все средства массовой информации только об этом и вопили. Одни раздували грязные истории о сексуальной эксплуатации моделей с высокоразвитой психикой — как у частных владельцев, так и в сети публичных домов, другие настаивали, что такое решение — и не решение вовсе, что, раз уж выпустили джинна из бутылки, надо же понимать, что обратно его не загонишь, и лучше запретить производство андроидов вообще (только высокоразвитых моделей / только примитивных моделей / дать высокоразвитым гражданские права / демонтировать всех к такой-то матери / производить только примитивные модели). Обо всем этом дискутировали и раньше. Но только теперь эти проблемы попали в поле зрения Хайле. Сначала он фыркал: не знают уже, чем заняться. Потом завяз. С удивлением обнаружил массу литературы по теме в библиотеке.

— Умеют некоторые собирать хлам! Когда и откуда это всё взялось?

В общем, мы по новой перечитали Брэдбери и Шекли, Саймака и Дика. И, конечно, Кларка с его космитами. Там есть одна сцена. Главный герой с андроидом находится в столовой, и для конспирации андроиду приходится сделать вид, что он ест. После андроид объясняет, что у него внутри есть такое приспособление, которое упаковывает абсолютно неповрежденную и стерильную пищу, и предлагает напарнику подкрепиться, если он голоден. Хайле скорчил такую рожу...

В общем, мы все это перечитали. Только теперь рядом со мной сидел тот самый андроид, оказавшийся вне закона. То еще чтение на такой случай, скажу я вам. И андроид не подозревает о том, что его непосредственно касаются все трагические ситуации, выдуманные столетия назад, когда человечество только примеривалось к будущему: как оно станет справляться с жутким раздвоением. Андроид, который уверен в том, что он — человек. Самый настоящий счастливый человек. Такой же, как я.

За ним пришли около полудня. Он заканчивал свою новую картину: «Выброшенные бурей на неизвестный берег». Там были изображены мы. Он не мог ничего знать, но он был — Хайле, и он все чувствовал.

Представить себе только: сейчас ему скажут, что он — всего лишь подделка, робот, двойник, муляж возлюбленного. Заберут на демонтаж, повезут на склад, где сотни таких, как он. Не таких. Он — Хайле, мой живой Хайле, настоящий, любящий, уверенный в том, что он и есть единственный он.

Мне позволили сделать это. У меня давно был приготовлен подарок к его дню рождения — браслет из золотистых камешков с Пресьосы. Он всегда любил блестящие цацки. Наверху, в его мастерской, его рука доверчиво протянулась ко мне, и он закрыл глаза. Но мне хотелось еще увидеть, в последний раз, эти серые, самые серые в мире...

— Хайле...

Он вытянул руку, любуясь камнями. Взять ласково, выше локтя, и чуть надавить, увидеть удивление в его самых серых в мире глазах — и прижать сильнее. Всё.

Три года спустя дверь со скрипом отворилась, впуская меня в мой — теперь уже только мой — дом-ностальжи из натурального дерева. Давно не топтанные половицы скрипели. Не знаю, зачем было жить. По инерции, на-

верно. Или затем, чтобы по полной оплакать теперь уже смерть. Да, под магнолией покоились контейнеры с пластиночками, но не было уже фирмы, которая взялась бы за наш заказ.

Дом остался за мной, и счета в банке, и акции «Спейс Транс» выросли значительно, но не было никого, кто решил бы произвести незарегистрированного андроида с расширенной памятью, высоким уровнем сознания и восприятия, полнофункционального и т. д. Всё. Теперь их место в космосе, на вредных для людей производствах, где изготавливали андроидов со специфическими характеристиками, повышенной резистентностью к неблагоприятным факторам, без комплексов и синдромов, а также без гражданских прав.

В доме всё заросло пылью и пустотой. Наверху под крышей перебежали легкие шорохи. Мыши. Ну, пусть. Что с того? Какая разница? Натуральные мыши в доме из натурального дерева. Мне нечего было делать в спальне, кабинете, библиотеке и его мастерской. Там еще стоял мольберт с «Выброшенными бурей», где мы лежали на черном песке неведомого берега, опутанные багровыми водорослями, едва дотягиваясь друг до друга, едва касаясь кончиками пальцев. Еще вдвоем.

На кухне автомат соорудил мне ужин без затей — линия доставки продуктов активизировалась автоматически, как только закончился срок гражданской изоляции. Даже виски — вот этого удовольствия мне не перепало в течение трех лет.

С полным стаканом в руке сидеть при свете вечернего окна и камина, в котором над имитацией дров пляшет невзрачное пламя.

Это был наш дом. Он всегда был только наш, мы выбрали проект и купили его вместе, еще до той истории, до болезни. Хайле нарисовал цветущий магнолиевый сад, и точно такой мы устроили на нашем участке, и даже несколько деревьев были подлинными и цвели на две недели раньше остальных, мы специально так заказали. Мы дожидались цветения настоящих магнолий и устраивали праздник на двоих под белыми звездами восковых, фарфоровых цветов.

А теперь этот дом был мой.

По-настоящему меня все эти годы утешало только одно: на этот раз он не заметил, как умер. Хорошо. Думаю, первого раза ему хватило с лихвой.

Дождь наконец собрался, широкие листья магнолий задрожали, покрылись лаковым блеском, с них скатывались струи и били в подоконник (специальный заказ, в отличие от нынешних, он не поглощал стук капель, наоборот, делал их звонче), и в желтые плиты дорожки (дорога, мощеная желтым кирпичом, волшебник страны Оз). Потом он утих, в тучах немного поворчал, но гроза не решилась.

Все стихло. Даже на чердаке (у нас в доме был настоящий чердак) перестали возиться. Темнело.

Смутное движение между ветвей и сумрак застали врасплох. Как привидение — темная напряженная фигура и белое лицо с закушенными губами. Дважды умерший, не имеющий права жить. Виски колом встало в горле, стакан выпал из пальцев и покотился по ковру, руки рванулись к раме. Это был он. Все равно который, мертвый или живой, настоящий или подделка. Не может быть подделки Хайле.

Рама со скрежетом оторвалась, визжа взлетела, сырость наполнила легкие, пряная сырость заброшенного сада. Теперь стало видно, что одежда на нем мокрая насквозь. Неизвестно, сколько времени он уже стоял здесь.

- Простудишься!
- Я?

Мы сидели на полу у камина, старая моя куртка, еще с наших походов в горы, укутывала его плечи, на голых коленях вздрагивали блики.

- Не верю.
- Как хочешь.

Он был готов уйти сию минуту. Не на чердак, где провёл почти три года, дожидаясь меня, а куда угодно: в пустыню, добровольно сдать властям или что там еще.

- Так его и отпустили.
- Как же ты все это время?

- Никак.
- На чердаке?
- И в библиотеке. Мне там самое место.
- Но ты же не мог пользоваться доставкой. Что ты ел?
- А зачем мне? У меня ведь солнечные элементы.
- Да, правда.
- Кто я?
- Мне все равно.
- Я не Хайле.
- А кто же ты еще?

Ему было очень страшно, когда он очнулся на складе, среди сотен таких же, ожидавших демонтажа инактивированных андроидов, объявленных вне закона. Сначала он надеялся вот-вот проснуться, потом решил, что сошел с ума. Потом понял. Недаром мы читали Брэдли и Шекли, Саймака и Филипа Дика. И Кларка с его космонтами. И те стихи:

И будешь ты уже не мной когда-нибудь...

Просто был допущен совсем маленький, совершенно незначительный брак. Та самая кнопка. Она не сработала до конца. Он отключился на несколько часов. Очень редко, но так бывает. Один раз на миллиард, что ли. По крайней мере, такова вероятность. Меня предупреждали. Об этом всегда предупреждают, но никто не обращает внимания, естественно. Но вот как ему удалось выбраться?

- Дружок...
- Хочешь, уйду.
- Дурак.

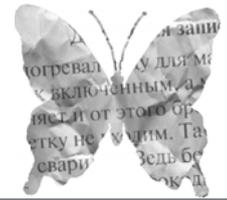
Он завозился, вылезая из куртки.

— Прости. Ты умница. Плевать мне на полицию, законы и все что там ни на есть. Никто ведь теперь и не узнает? Тебе придется прятаться.

- Если ты боишься...
- Я не боюсь. Я боюсь только потерять тебя.
- Кого меня?
- Тебя.

Тут мне пришло в голову...

- Хайле! Ты ведь не хотел возвращаться, когда все понял?
- Все — что?
- Ну, все про себя.

ФАНТАСТИКА

— Скажи это как есть: понял, что я — робот. Ну, скажи. Слабо?

- Перестань.
- Слушаюсь.
- Прекрати! Если уж ты вернулся, значит, все уже сам решил. Зачем изводить меня и себя?
- Ничего я не решил. Просто мне некуда больше было идти.

— Да. Конечно.
— Если бы сразу — не пришел бы сюда. А потом я образил, что тебя должны были выпечь на эту... изоляцию. Ох, и свинья же я! Как ты-то?

- Да что мне сделается? Потом. Говори о себе.
- Ну я и пришел сюда. Перечитал тут все про это. Понял, что года три как минимум спокойной жизни мне обеспечено. Думал, потом смоюсь. Но я с самого начала знал, что... Господи, да кто же я? Низэсс, я не могу уйти, я не могу без тебя. Я же... люблю. Меня же так и сделали.

— Никто этого не делал. Понял? Тебе только сделали новые руки, ноги и глаза и все остальное, а это, вот это самое, любовь и душа, — это все твое.

Конечно, не сразу. Не сегодня и, может быть, еще не за этот год. Но я верю, я знаю, что смогу убедить его, заставить поверить, просто потому, что это и есть чистая правда — то, что он, вот именно он, кто бы он ни был — а он ведь Хайле и никто другой, — он единственный, кто мне нужен в мире, пусть даже только в книгах бывает, чтобы человек любил андроида. А у нас будет — любовь.

И не иначе.

